

Г. В. Калугина

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ
ОБЩЕСТВО В ИРКУТСКЕ: ОТ
КЛУБА ДРУЗЕЙ ПОЛЬШИ ДО
АССОЦИАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ
КИТАЙСКИХ ГРАЖДАН
(ТРАНСФОРМАЦИЯ
ФЕНОМЕНА)**

*Калугина Галина Валерьевна – начальник
отдела по связям с общественностью
администрации г. Иркутска.*

*На протяжении почти 10 лет изучает
проблемы межнациональных отношений
в г. Иркутске, проблемы формирования
в сибирском регионе «новых диаспор»,
роль и место в этих процессах
национально-культурных обществ.*

E-mail: gala-ged@mail.ru

Институт национально-культурного общества, национально-культурной автономии – структуры, официально признанной государством, – не только востребован в современном российском обществе, но и меняется его роль и место в общественно-политических и социально-экономических процессах. На этот институт сегодня возлагаются самые разнообразные миссии: от элементарной помощи в трудную минуту, отслеживания и регулирования внутриобщинных процессов до консолидации диаспоры. Сформировалось два основных типа этого института – в зависимости от потребностей очень разных групп, среди которых они ведут свою работу.

«Мы живем в многонациональной стране России и в многонациональном крае. В Иркутской области проживают представители более 140 национальностей. (...) Многие из этих народов – русские, буряты, тофы, эвенки, татары, башкиры, евреи, чеченцы, ингуши, белорусы, украинцы, чувашаи, армяне, литовцы, азербайджанцы, талыши, таджики, тувинцы, ин-

германландские финны, греки, немцы, поляки, китайцы, афганцы – объединились в национально-культурные центры, создали общественные организации. До 1997 года таких объединений насчитывалось около 20. На сегодняшний день на территории Иркутской области осуществляют деятельность больше 60 национально-культурных объединений (автономий, обществ, центров, товариществ, общин, отделений)...», – так начинается один из многочисленных официальных текстов, посвященных вопросу межнациональных отношений в Иркутской области¹.

Официальная риторика по данной тематике, как правило, строится вокруг таких тезисов как «межнациональная дружба», «взаимодействие и взаимообогащение различных этносов» и иллюстрируется это, в первую очередь, деятельностью национально-культурных обществ, автономий (НКО, НКА), этнокультурными мероприятиями. Так сложилось, что именно деятельность НКО в современном российском обществе является неким инструментом, маркером государственной национальной политики. Это ярко подтверждает история национально-культурного возрождения, когда в постперестроечный период по всей России прошла волна самоорганизации по этническому признаку. Именно на такие институции и была ориентирована власть, порой подталкивая, иницилируя появление того или иного НКО.

С начала первых открытых межнациональных конфликтов в СССР, а затем после распада страны и так называемого «парада суверенитетов», и по сегодняшний день феномен НКО развивается. Он является не только субъектом этногосударственных отношений, но и объектом национальной политики, порой таким, с которым нельзя не считаться. Все эти годы происходит его развитие (трансформация): от стадии самодеятельности институт вырос до вполне забюрократизированной структуры, имеющей не только штат и материально-техническую базу, но и определенный образ («представительство диаспоры») в обществе.

На это повлияло не только осмысление государством подходов к формированию системы этногосударственных отношений, но и миграционные процессы, существенно изменившие этносоциальный ландшафт российского общества.

В данной работе мы попытаемся представить процесс трансформации феномена национально-культурного общества, динамику того, как менялись функции, статусы НКО, как происходила (а порой и происходит) трансформация его роли и места в общественных процессах.

Тема национально-культурной автономии вызывает большой интерес в научном сообществе, во властных кругах, среди национальной общественности и, естественно, в средствах массовой информации. Показателем этого могут служить многочисленные конференции и круглые столы, исследовательские работы, публикации в СМИ.

При этом, однако, в современной российской историографии при изучении феномена национально-культурного возрождения, ярким атрибутом которого является национально-культурная автономия, внимание исследователей обращено преимущественно на республики, автономные округа, места относительно компактного проживания представителей той или иной народности. В основном, эти исследования основаны на внешних наблюдениях, социологических исследованиях и в большинстве своем изучают процессы самоидентификации жителей «этнических регионов», государственную политику относительно них.

Здесь же изучение феномена НКО ведется на примере иркутской ситуации. Сужение масштабов исследования до городского уровня вполне приемлемо не только для понимания его сути, но и для создания некой модели самоорганизации людей по этническому признаку. Именно на местном уровне формируются практики самоорганизации граждан по этническому признаку, нарабатывается опыт выстраивания взаимоотношений общественных институтов (в данном случае НКО) с властью. Работа базируется на многолетних наблюдениях автора за деятельностью НКО в качестве чиновника городской администрации, а также на анализе устава и других материалов НКО Иркутска, материалов СМИ.

В заголовок статьи выведены названия двух объединений, даты появления которых отделяются несколькими десятилетиями. В основу их названий легли знаковые, возможно, даже символические моменты – это объединение на национальной основе, это те символы, которые в дальнейшем «работают» над формированием, развитием «воображаемых сообществ»², становятся в дальнейшем их стержнем.

Процесс, в рамках которого мы рассматриваем феномен НКО, получил название «национально-культурное возрождение». С ним связаны такие явления как этническая мобилизация и актуализация этничности, потребность в этнической принадлежности. «Национально-культурное возрождение» совпало со временем «дефицита (...) разветвленной системы общественно-духовных объединений, когда одними из наиболее значимых референтных групп оказались этнические сообщества»³.

И именно НКО Иркутска, пройдя путь от «Клуба друзей Польши» до «Ассоциации защиты прав китайских граждан», стало символом национально-культурного возрождения, единственным легитимным инструментом этнизации, актуализации этничности, самоорганизации по этническому признаку. Говоря о пути между этими двумя организациями, мы имеем в виду не только разницу в их «возрасте». Они ориентированы на удовлетворение очень разных потребностей радикально отличающихся друг от друга целевых групп. В этом смысле их можно рассматривать как некие модельные структуры.

Самое первое объединение с этнической составляющей появилось

еще в середине 20 века. Именно эту точку отсчета мы берем для того, чтобы говорить об истории современной Иркутской Полонии. «После Второй Мировой войны, с конца 60-х годов до начала 1990-х в Иркутске стихийно возникла и активно развивалась неформальная общественная организация – Клуб друзей Польши «Висла». Она укрепила в среде местной общности многие добрые культурные традиции и подготовила почву для успешного развития полонийного движения в форме современного национально-культурного объединения. Однако, в конце 1990-х годов (...) часть членов Клуба «Висла» растерялась, утратила инициативу и интерес к общественной работе. Одновременно с этим настойчиво заявила о себе группа людей, имеющих польские корни в родословной и пытающихся найти далеких родственников на своей исторической родине (...). Вот как об этом периоде вспоминает первый председатель ПКПО «Огниво» Изольда Эдуардовна Новоселова: – Я начинала еще работать в «Висле»... была отправлена на конгресс в Варшаву как потомок повстанца 1863 года. После участия в этом конгрессе узнала о создании польских культурно-просветительских обществ в Советском Союзе. Мною был поставлен вопрос в «Висле» о привлечении людей польского происхождения. Приглашение к объединению поляков и людей польского происхождения было опубликовано в газете «Восточно-Сибирская Правда», на что обратили внимание многие энтузиасты г. Иркутска...»⁴.

В дальнейшем – в 1990 году – на базе этих символов появилась общественная организация нового (для того периода времени) типа – Польское культурно-просветительское общество «Огниво». Его создатели взяли название действующего до революции польско-литовского общества «Огниво», обозначив не только претензию на истинность институции, но и на преимущество идей объединения сибирских поляков. Цель, прописанная в уставе организации, подтверждает это: «целью ПКПО «Огниво» является развитие национального самосознания граждан польского происхождения, сохранение и развитие польского языка, культуры. Национальных традиций, укрепление национальных связей поляков, проживающих в Сибири, с Польской Республикой»⁵.

Таким образом, мы считаем появление и дальнейшее существование такой организации знаковым. В первую очередь потому, что это – точка отсчета, некий стандартный (может даже, классический) набор символов и характеристик одного из типов объединений по этническому признаку.

Во-первых, идеологи и основные деятели такого объединения – старожилы, иркутяне в нескольких поколениях – преимущественно потомки ссыльных поляков.

Во-вторых, у людей, относящих себя к данной этнической общности, связывающих свою жизнь с обществом, нет проблем с адаптацией в принимающее сообщество.

В-третьих, в данном объединении преобладает культурно-научная интеллигенция, за лидерство в данной организации не ведут борьбу местные бизнесмены.

В-четвертых, на первом плане у данной организации стоит удовлетворение национально-культурных потребностей.

Это тип национально-культурных обществ, представляющих старожильческое население (русских, бурят, татар, украинцев, белорусов, чувашей, евреев и т. д.).

Новая же модель самоорганизации по этническому признаку начинает появляться в середине 90-х годов. Миграционные процессы в те годы привели к изменению этносоциального ландшафта иркутского сообщества – в Иркутске стали активно формироваться «новые диаспоры»⁶ и представляющие их НКО выходцы из Закавказья, Китая, затем Средней Азии. Их появлению способствовала не только набравшая силу волна этнокультурного самоопределения, но и самая насущная необходимость, запрос на некий механизм взаимодействия мигрантов с принимающим обществом. И отличительная черта Иркутска в том, что таким механизмом стала не правозащитная организация, а именно национально-культурное общество. Первые лидеры «мигрантских» НКО также стремились обратиться к истории появления на этой земле первых китайцев, армян, азербайджанцев, таджиков. «Модельные» символы были приняты на вооружение. Отразилось это в первую очередь в поразительном сходстве уставов (зачастую они просто переписывались друг у друга). Однако социальный запрос внес свои коррективы – и среди слов о межнациональной дружбе и удовлетворении культурных потребностей лиц такой-то национальности, стали появляться совершенно конкретные, с одной стороны, чрезвычайно бытовые, но с другой – весьма востребованные «предложения»:

- «Привить китайцам-предпринимателям навыки цивилизованной торговли»

- «содействие реализации и защите гражданских, социальных, трудовых, культурных прав и интересов китайских граждан»⁷.

- «содействие реализации и защите социальных, культурных, гражданских прав лицам таджикской национальности; удовлетворение интересов объединившихся граждан; содействие сохранению таджикских национально-культурных традиций; гармонизация межнациональных отношений»⁸.

Некоторые из НКО, представляющие «новые диаспоры» в иркутском сообществе, прошли полный цикл развития: от создания, активной деятельности и вполне обоснованной претензии на лидерство в диаспоре, до борьбы за руководство в организации и полного ее распада. Яркий пример – Азербайджанское национально-культурное общество «Бирлик»⁹. В рамках же данной статьи мы сделали акцент на китайские общественные

организации, так как по нашему мнению, именно они в полной мере представляют второй основной тип НКО.

Основная примета такого типа объединения – ориентация на мигрантские сообщества. Вольно или невольно, общественные институты, представляющие этнические группы, формирующиеся за счет мигрантов в Иркутске, взяли на себя миссию неких представительств, неких структур, ответственных за пребывание здесь мигрантов. В некоторых случаях такая роль приносит определенные «бонусы»: иногда политические, статусные, а иногда вполне материальные дивиденды.

Право на такие выводы нам дает серия материалов иркутского журналиста Р. Кузнецова о китайцах Иркутска. В одном из репортажей он рассказывает об общественных объединениях, созданных иркутскими китайцами. «Государственная общественная организация» и «частная общественная организация» – так назвал он два национальных объединения, действующих в те годы в Иркутске. Одна – «Китайское общество» – была создана при поддержке Генерального Консульства КНР в Хабаровске. Другая – «ассоциация по защите прав китайских граждан» – создана иркутским предпринимателем – этническим китайцем. И та, и другая ориентированы на вполне конкретную целевую группу – китайских торговцев. И та, и другая предлагают услуги по представлению их интересов в государственных структурах – посреднические услуги: «Членство в организации стоит 100 рублей. Многие китайские предприниматели либо плохо знают русский язык, либо вовсе не владеют им. Поэтому общественная организация помогает торговцам урегулировать вопросы уплаты налогов. Взяв на себя функции промежуточной налоговой службы между официальными властями и китайскими предпринимателями, организация извлекает прибыль из нерасторопности государственных служб и неграмотности китайских торговцев...»¹⁰. Естественно, что это не повсеместная практика в деятельности этой группы иркутских НКО. За прошедшие годы изменились не только схемы выстраивания отношений с соотечественниками, но и социальный запрос на данный институт. Сегодня лидеры таких НКО частые гости круглых столов и мероприятий, посвященных вопросам развития межнациональных отношений, улучшению качества работы милиции, формированию миграционной политики.

Однако мы настаиваем на том, что это именно новый тип НКО, характерный, в первую очередь, для этнических групп, формирующихся за счет миграционных процессов. И именно в китайских обществах эти тенденции наиболее ярко выражены. Обозначим их:

- Реальная суть Ассоциации по защите прав китайских граждан (далее – Ассоциация) в предоставлении посреднических услуг между мигрантами и обществом и, в первую очередь, – властью.
- Национально-культурная риторика здесь используется минималь-

но, интерес к соответствующим мероприятиям небольшой и в основном в рамках общих – «межнациональных» мероприятий.

- Чрезвычайно высокий интерес к лидерству в данной организации среди «этнических» бизнесменов, борьба за такое лидерство вполне успешных предпринимателей.
- Данная организация необходима ее потенциальным участникам для решения практических задач: вопросы с налоговой службой, милицией, взаимодействие в бизнесе.

Национально-культурное общество как институция не только выросло и в чем-то «забюрократизировалось» – появились элементы вполне серьезного менеджмента, работа над формированием материально-технической базы, повысился статус лидеров. Произошло формирование двух основных типов НКО в соответствии с задачами групп, на которые они ориентированы.

Институт национально-культурного общества, национально-культурной автономии не только востребован в современном российском обществе, но и меняется его роль и место в общественно-политических и социально-экономических процессах. На него сегодня возлагают самые разнообразные миссии: от элементарной помощи в трудную минуту, отслеживания и регулирования внутриобщинных процессов до консолидации диаспоры. Сегодня НКО не только претендуют, но и реально являются посредником между властью и представителями той или иной национальности. Иногда (в первую очередь под давлением СМИ) они выступают в роли «представителя диаспор» (как это модно сейчас говорить). Меняются, точнее сказать, отчетливо дифференцируются и осознаются запросы участников и активистов этих организаций. Определился и спектр этих запросов: от удовлетворения этнокультурных потребностей до решения адаптационных задач мигрантов.

Примечания

1. Плохотникова С. В. Дух согласия и дружбы // «Созвездие дружбы». Общественный литературно-художественный альманах народов Восточной Сибири. – Иркутск, 2005. – № 1. – с. 42
2. Здесь мы пользуемся определением нации как воображаемого сообщества Б. Андерсона, считая, что оно вполне обеспечивает понимание и такого феномена, как самоорганизация по этническому признаку: «нация – (...) воображаемая политическая общность (...). Она воображаемая потому, что члены даже самой маленькой нации никогда не знакомы с большинством своих соплеменников, никогда не встречаются с ними и даже не слышат о них, но в то же время в голове каждого живет образ их общности». (Бenedикт Андерсон *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001, с. 78)